

АЛЕКСАНДР
ЗАПЕСОЦКИЙ

Ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Последний российский интеллигент

К 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева

Почти всю жизнь Дмитрию Лихачеву платили зарплату за научные исследования древнерусской литературы в Пушкинском доме. И Лихачев добился блистательных результатов, за которые был избран в Академию наук. Однако помимо классического литературоведения ученый занимался еще и целым рядом других вопросов и проблем; и рядом с этой областью, и достаточно от нее далеко. Его волновали Достоевский и Толстой, сохранение исторического облика Невского проспекта и реформы Петра I, садово-парковая культура и проблемы реализма как творческого метода... Многие коллеги по литературоведческому цеху считали это чуть ли не своего рода чудачествами, хобби ученого.

Позднее, в 80-е годы, в особенности в период перестройки, общественное мнение возвело Лихачева в ранг культовой фигуры общенационального масштаба благодаря его выступлениям в защиту культуры. Как говорит теперь писатель Даниил Гранин, Дмитрий Сергеевич «был министром той культуры, которой власть не занимается». Академик вступал в споры там, где власть проявляла невежество, и нередко одерживал победы.

Но параллельно происходило и третье (после литературоведческого и общественного) признание Лихачева — как крупнейшего ученого-гуманитария и выдающегося российского мыслителя XX века.

Одна из самых ярких работ Лихачева — «О русской интеллигенции», датированная 1993 годом. В ней ученый формулирует почти все основные элементы современных научных представлений об интеллигенции, оформившихся в постсоветский период.

Понятие это, по Лихачеву, — чисто русское. Ученый не убежден в том, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разнородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны

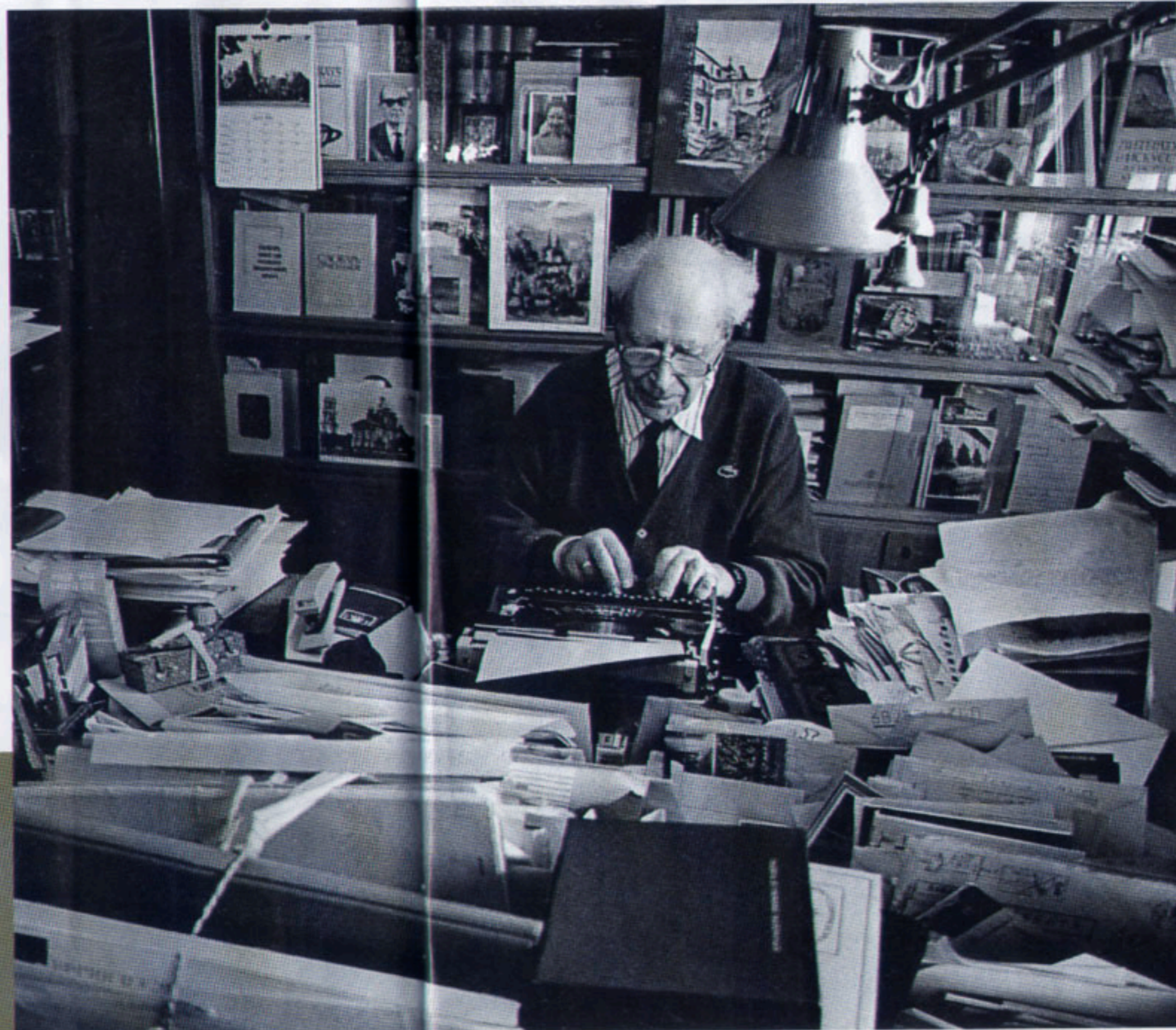
обладать рабочие или, к примеру, морские рыбаки. Из принятого в советское время определения не вызвало возражений, что интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой. Но еще это — свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании». В России, в условиях деспотизма, такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их — еще труднее. Отсюда особое отвращение к деспотизму, как специфическая черта русской интеллигенции.

Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Совесть в представлении Дмитрия Сергеевича — это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни».

Труды академика — настоящий гимн русской интеллигенции. Лихачев считает, что она в целом выдержала испыта-

Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их — еще труднее. Отсюда особое отвращение к деспотизму, как специфическая черта русской интеллигенции

ние смутными временами, несмотря на жесточайшие преследования: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня пора-

ны обычные меры ввиду ее общевропейской известности».

Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако русская интеллигенция всегда имела свои собственные симво-

...Каждая встреча с Лихачевым была Событием. Не забуду, как однажды он заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное, что бытие определяет сознание, а Лихачев вдруг сообщил нам: «Семьдесят лет нас воспитывали в пессимизме. Ведь марксизм — это одно из

в будущем?», не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет».

***

В противовес теориям российского евразийства или абсолютной самобыт-

Не забуду, как однажды он заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное, что бытие определяет сознание

ности России академик Лихачев, по сути, считал нашу страну самой европейской из стран Европы. Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что родовыми европейскими признаками отечественной культуры являются: личностное начало, открытость и восприимчивость к другим культурам, свобода творческого самовыражения. Вместе с тем многонациональность и соборность (уникальное проявление православной христианской склонности к общественному и духовному началу), а также устремленность в будущее и неудовлетворенность настоящим — отличительные особенности русской культуры, которые определяют ее особое место в европейском и мировом сообществе.

Очень интересно одно замечание Дмитрия Лихачева: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, коммерческих и даже просто карьерных. Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислять себя к интеллигенции. Интеллектуальная свобода — всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Совесть является гарантом свободы интеллигента».

В одной из своих публицистических статей Даниил Гранин назвал академика Лихачева последним российским интеллигентом. Сейчас особенно понятно, как нам не хватает Дмитрия Сергеевича. ■

▲
Дня Шерстеминского
лы веры, идущую изнутри дисциплину и традиции. Это независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю.

самых отчаянно пессимистических ученых. Материя преобладает над духом, над духовностью... Я лично верю в случайность в истории. То есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как «Что ждет нас